косвенных смыслов. Любое задание должно пониматься с первого прочтения.

Итак, грамотное использование тестовых технологий позволит достичь хороших результатов в процессе обучения РКИ за счет оперативности, надежности, валидности, объективности, экономичности, доступности для обучающихся и преподавателей.

Литература

1. *Аванесов, В.С.* Теория и методика педагогических измерений / В.С. Аванесов. – М., 2005.

2. *Андрюшина, Н.П.* Тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. I сертификационный уровень / Н.П. Андрюшина, М.Н. Макова, Н.И. Пращук. – М., 2004.

3. *Балыхина, Т.М.* Словарь терминов и понятий тестологии / Т.М. Балыхина. – М., 2000.

4. *Балыхина, Т.М.* Первый уровень владения языком как иностранным. Практикум / Т.М. Балыхина, Н.М. Румянцева, Н.Ю. Царева. – М., 2008.

5. *Величко, А.В.* Какой падеж? Какой предлог? Глагольное и именное управление / А.В. Величко, О.Н. Башлакова. – М., 2008.

6. *Голубева, А.В.* Мы живем и работаем в России / А.В. Голубева. – СПб., 2011.

7. *Кисиева, В.Н.* Применение тестовой методики при контроле аудиоумений иностранных студентов на начальном и среднем этапах обучения // Оптимизация учебно-воспитательного процесса на этапах довузовского и вузовского обучения: Материалы международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2003. – С. 56 – 61.

8. Клоуз-тесты как контроль обучения разным видам речевой деятельности. – URL: http://www.lred.ru/index.php/obrazovanie/32105

9. *Миллер, Л.В.* Жили-были… Рабочая тетрадь. 12 уроков русского языка. Базовый уровень / Л.В. Миллер, Л.В. Политова. – СПб., 2011.

10. Типовой тест по русскому языку для приема в гражданство Российской Федерации. – СПб., 2013.

11. *Царева, Н.Ю.* Русский язык как иностранный. Рабочая тетрадь. Первый сертификационный уровень / [Н.Ю. Царева и др.]. – М., 2010.

УДК 811.111’37 + 811.161.1’37

Л.В. Гриченко

КОРРЕЛЯЦИИ ТЕРМИНОВ РОДСТВА И НАИМЕНОВАНИЙ СУБЪЕКТОВ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются универсальность и этноспецифика наименования терминов родства и репрезентации экспрессивной семантики субъектами русских и английских пословиц. Подчеркивается, что теконимы, отражая когнитивные представления, являются лингвокультурными конвенциально закрепленными показателями внутреннего устройства мира, его организации и деятельности.

Пословица, текноним, субъект, экспрессивность, оценочность, термины родства.

The article discusses the versatility and difference in terms of relationship and subject expressive semantics representation in Russian and English proverbs. The author emphasizes that teknonyms reflecting cognitive representation are lingvo-cultural indicators that fix internal structure of the world, its organization and activity.

Proverb, teknonym, subject, expressiveness, evaluative force, terms of relationship.

Учитывая способность пословиц выступать знаком ситуации и оценкой действий какого-либо лица, можно утверждать, что термины родства (теконимы) формируют базовый состав пословичного фонда и представляют собой систему координат, которые указывают «открытые и закрытые пути» в речи [3]. Оказываясь центральными компонентами пословиц, термины родства реконструируют пословичные картины мира двух народов в виде особых матричных систем, позволяющих описать любого представителя нации как некий абстрактный максимально обобщенный субъект относительно конвенциально закрепленной системы координат. При этом семантика субъектов действия пословиц, репрезентированных терминами родства, и стоящие за ними образы оказываются не застывшими единицами, а детерминированными лингвокультурными представлениями и традициями обозначениями лиц, при использовании которых в контексте часто наблюдается приращение субъективных смыслов.

Количественный состав, характер функционирования, семантика, а также сочетаемостные возможности теконимов в каждом из анализируемых пословичных фондов детерминируются как системно-языковыми параметрами, так и потребностями реальной действительности, принятыми нормами коммуникативного поведения и наименования лица. Речь идет о способности системно-языковых характеристик терминов родства отражать механизмы когнитивного и лингвокультурного представления денотата, обнаруживать взаимозависимость лингвокультурных, когнитивных представлений и репрезентации экспрессивной и оценочной семантики теконимом.

Материалом анализа данной статьи выступают словари английских и русских пословиц («Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия» [5], «Пословицы русского народа» [2], «Dictionary of proverbs» [7]). Выбор материала исследования и актуальность тематики объясняются необходимостью описания средств вербализации терминов родства в русских и английских пословицах с точки зрения сопоставления их семантики экспрессивности и оценочности, уточнения лингвокультурных традиций наименования лица в коллективе, объединенном родственными узами.

Традиционно термины родства в обоих языках объединяют существительные, обозначающие ролевые, статусные и социальные отношения в семье (*муж, жена, дочь, сын, невеста, жених, мать, отец, невестка, теща, свекровь, дедушка, бабушка, дитя, дети, husband, wife, daughter, son, children*). Особенностью их функционирования в пословичных фондах двух языков является широкая и детальная представленность, прежде всего, на материале русского языка: ***Муж*** *любит жену богатую, а* ***тещу*** *торовату́ю* [2, с. 106], ***Отец*** *про походы,* ***мать*** *про расходы толкуют* [2, с. 110].

В противоположность русскому языку, где этноспецифику репрезентации субъекта-текнонима составляет большое разнообразие наименований, указывающих на родственную принадлежность, в английском языке наблюдается стремление ограничиться обозначениями мужа и жены (*husband, wife*), подчеркнуть важность близкородственных и внутрисемейных отношений: *A* ***good husband*** *should be deaf and* ***a good wife*** *should be blind* [5, с. 22].

То, что главенствующая роль родителей и детей при распределении ответственности в английской семье ложится на мать, отца и детей, а не на остальных родственников, также находит непосредственное отражение в ряде пословиц: *One* ***father*** *is enough to govern one hundred sons, but not a hundred* ***sons*** *one father* [5, с. 234]. В силу этого значительная часть существующих в английском в языке терминов родства в пословичном фонде оказывается либо не представлена (*brother-in-law, son-in-law, niece, nephew*), либо мало частотна (*aunt, uncle, grandmother, stepmother*): *If my* ***aunt*** *had been a man, she would have been my uncle* [7, с. 38]; *There are as many good* ***stepmothers*** *as white ravens* [7, с. 139].

Также очевидно, что английская лингвокультура, являющаяся по сути закрытой и максимально консервативной, в отличие от русского языка, не ориентирована на прямое наименование родителей мужа и жены по их социальной роли в семье (*свекровь, теща, тесть*). В тех редких случаях, когда родители мужа или жены упоминаются в пословичном фонде английского языка, то они, как правило, не фигурируют в роли субъекта действия.

Лексические единицы (*son, daughter)*, указывающие на гендерную принадлежность, также не характерны для пословичного фонда английского языка: *Two* ***daughters*** *and a back door are three arrant thieves* [7, с. 47]. Бóльшей частотностью обладают пословицы с компонентами *child / children*, семантика которых является максимально генерализованной (обобщенной), не допускающей гендерной маркированности или указания на социальную роль в семье**:** ***The child*** *says nothing but what is heard by the fire* [5, с. 279]; *The burnt* ***child*** *dreads the fire* [5, с. 278]. В крайне редких случаях в пословичном фонде английского языка указывается на возрастную принадлежность ребенка: ***Little children****, little sorrows;* ***big children****, big sorrows* [5, с. 197]. В силу обобщенности и полисемантичности, лексемы *child / children, дети* в обоих пословичных фондах справедливо располагаются на периферии терминов родства, характеризуясь синкретизмом семантики.

На материале русского языка, помимо лексемы *дети,* встречающейся в качестве субъекта действия преимущественно в форме множественного числа: ***Дети*** *возмужают – батьку испугают* [2, с. 133], приблизительно с одинаковой частотностью используются наименования (*сын, дочь)*, указывающие на гендерную принадлежность ребенка: ***Сын*** *– домашний гость, а* ***дочь*** *в люди пойдет* [2, с. 136].

Кроме того, для русской лингвокультуры характерным оказывается актуализация возрастной принадлежности детей, нередким является акцент на особенной ответственности родителей за детей в любом возрасте. Репрезентация соответствующей семантики достигается за счет использования диминутивных форм, а также прилагательных в препозиции или постпозиции: ***Детки маленьки*** *– поесть не дадут,* ***детки велики*** *– пожить не дадут* [2, с. 133]; ***Малые детки*** *не дают спать, большие не дают дышать* [2, с. 133]. Диминутивные формы существительных в сочетании с указанием на зрелость подчеркивают нежелание родителей признавать взрослость ребенка и возлагать ответственность на него. Понимание семьи в России уходит далеко за пределы родителей-детей, подразумевая также бабушек и дедушек, наличие общего быта и максимальной ответственности родителей за детей.

Таким образом, в пословичных фондах русского и английского языков различаются наивные когнитивные представления, которые отражаются на языковой репрезентации субъекта, семантике его экспрессивности и оценочности, общей прагматике высказывания. Использование диминутивных форм, кратких прилагательных, усечений, инверсии, синонимичных рядов, всего того, за счет чего достигается экспрессивность русской пословицы, убедительно доказывает, что ее семантика характеризуется яркими экспрессивными и оценочными компонентами значения.

Специфику наименования лица в пословичном фонде русского языка, по сравнению с английским, также составляют многочисленные указания на правильность / неправильность поведения любого лица, что обусловливает включение в текст пословицы квалитативных или дескриптивных прилагательных, характеризующих изначально нейтральные термины родства по аксиологической шкале: *Глупому сыну и* ***родной отец*** *ума не пришьет* [2, с. 141], ***Добрая жена*** *да жирные щи – другого добра не ищи* [2,

с. 85]; *Глупому мужу* ***красная жена*** *дороже красного яйца* [2, с. 102].

Сочетания квалитативных определений и технонимов-субъектов в пословичном фонде английского языка не частотны и, как правило, репрезентируют положительную оценку: ***A good husband*** *makes a good wife* [5, с. 21]*; A* ***virtuous woman*** *is a crown to her husband* [7, с. 139]. Редкие примеры негативно маркированных определений, характеризующих ближайших родственников: ***A deaf husband*** *and a* ***blind wife*** *are always a happy couple* [7, с. 147], в пословичном фонде английского языка отражают скорее объективное наличие какой-либо характеристики субъекта, нежели отношение к нему через оценку его действий или поведения третьим лицом.

В целом при возможности актуализации терминов родства на материале пословичного фонде русского языка прослеживается тенденция к частой негативной характеристике субъектов действия мужского и женского рода со стороны их внешности, черт характера, привычек и т.д.: ***Больная жена*** *мужу не мила* [2, с. 100]; *Ржа ест железо, а* ***злая жена*** *мужа* [2, с. 100]; ***Старый муж*** *и на руку колодой валится* [2, с. 94].

Приведенные отличия свидетельствуют о наличии в обоих пословичных фондах лингвокультурноспецифичных когнитивных представлений и языковых вербализаций технонимов-субъектов, которые при одинаковом денотативном компоненте приобретают различные оценочные и экспрессивные оттенки. В этом случае справедливы взгляды Е.С. Кубряковой, согласно которым «все без исключения аспекты структуры языка, и, в первую очередь, лексическая семантика, зависят от механизмов языковой действительности и от когнитивных структур, которыми пользуется человек» [4, с. 40].

Лингвокультурно-специфичным является и включение в русскую пословицу прилагательного *родной* или местоимения *свой* при существительных *отец, мать*: ***Родная мать*** *и высоко замахивается, да не больно бьет* [2, с. 144]; ***Своя матка*** *руками бьет, да не пробьет, а чужая гладя прогладит* [2, с. 145], которые актуализируют друг друга. Подобные сочетания, хотя и являются избыточными с точки зрения элементарной логики, благодаря компонентному составу способны усиливать семантику субъекта-лица, выраженного существительным, подчеркивая существующую в русской лингвокультуре оппозицию «свой – чужой».

Категоричность при описании лица и его поведения, присутствующая в пословичном фонде русского языка и в некоторой степени составляющая его специфику, не ограничивается использованием прилагательных, детерминирующих семантику технонима. В пословичном фонде русского языка среди терминов родства выделяется подгруппа существительных (*девка, баба, мо́лодец, молодка, молодица, мужик, матка*) с ярко выраженной экспрессивной и амбивалентной оценочной семантикой, получающей окончательную реализую только в контексте: ***Бабы*** *кают́ся, а* ***девки*** *замуж собираются* [2, с. 130]; *Знай* ***баба*** *свое кривое веретено!* [2, с. 110].

Особая прагматическая и экспрессивная ценность существительных данной подгруппы также очевидна. Семантика наименования лица способна одновременно относить его и к технонимам, и к наименованиям лиц женского и мужского пола: *Не петь куре петухом, не владеть* ***бабе*** *мужиком* [2, с. 113]; ***Мужик*** *не живет богат, а живет горбат* [2, с. 406].

Существенным для русского языка оказывается не только наличие данной подгруппы технонимов, но и максимальная экспрессивность разнообразных наименований, подчеркивающих социальный статус, возраст, положение субъекта в коллективе: ***Молодица*** *у старика – ни* ***девка****, ни* ***баба****, ни* ***вдова*** [2, с. 103]. Русские пословицы с технонимами данной подгруппы характеризуются, с нашей точки зрения, значительной экспрессивно-оценочной нагрузкой в контексте.

Как видно, для пословичного фонда русского языка также характерно использование диминутивных аффиксов в терминах родства (*мужилка, муженек, чадушко, детушки, дитятко*): *Родилось* ***чадушко****, старше бабушки* [2, с. 139]; *Худ мой* ***мужилка****, а завалюсь за него – не боюсь никого* [2, с. 104]; ***Муженек*** *хоть всего с кулачок, да за мужниной головой не сижу сиротой* [2, с. 104]. Наличие на материале русского языка подобных единиц является ярким доказательством взглядов А. Вежбицкой, согласно которым «каждый язык образует свою «семантическую вселенную»… «иные вещи на ином языке не мыслятся». Не только мысли могут быть «подуманы» на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в рамках одного языкового сознания, но не другого» [1, с. 21].

Действительно, экспрессивные и оценочные компоненты технонимов русских пословиц непосредственно связаны с пониманием и чувственным восприятием окружающей действительности нацией, которые получают свое знаковое воплощение в соответствии с системными возможностями языка и наивными когнитивными представлениями, часто отягощенными в русской лингвокультуре эмоциональными, душевными переживаниями. Основная роль в передаче экспрессивных и оценочных компонентов таких существительных принадлежит аффиксам, а всего контекста – совокупности лексических и синтаксических средств. Кроме того, мы полагаем, что разговорный характер отдельных технонимов способствует синтезу не только оценочного и экспрессивного, но и эмотивного компонентов значения. В этом случае аксиологически маркированный аффикс существительного выступает спецификатором эмотивного компонента, в нем непосредственно «ярко выражен акцент на чувствах и на их свободном изъявлении, высокий эмоциональный накал русской речи» [1, с. 34].

Как видно, на материале русского языка мы имеем дело не только с историческим развитием языковой системы, в ходе которого получили широкое распространение словообразовательные механизмы создания семантики экспрессивности, эмотивности, оценочности, но и с максимальной близостью русской пословицы к фольклору, которая проявляется в

наличии разнообразных полисемантичных аффиксов, многие из которых придают народно-разговорный, эмотивно-экспрессивный оттенок компонентам пословицы и всему содержанию. Участвуя в передаче эмотивных аспектов высказывания, диминутивные аффиксы терминов родства вполне могут рассматриваться как маркеры эмоционального содержания пословицы, что позволяет обнаружить тесную связь пословицы с фольклором, как на генетическом уровне, так и на лексическом, словообразовательном.

На особое значение экспрессивной деривации и ее теснейшую связь с культурой, национальными стереотипами, менталитетом народа также указывала В.Н. Телия, полагающая, что «клубок человеческого опыта «раскручивается» в процессе создания экспрессивно-окрашенной лексики, поскольку формированию значений этого типа предшествует культурно-национальная стереотипизация…» [6, с. 105]. Таким образом, экспрессивная деривация, характерная для русского языка, находит свое яркое воплощение в пословичном фонде, экспрессивно и оценочно маркированном генетически, где диминутивные аффиксы способны отразить и репрезентировать когнитивные аспекты оценивания и стереотипные представления, располагающиеся на конвенциально закрепленной аксиологической шкале.

Более того, диминутивные аффиксы русского языка, по сути, представляющие собой аффиксы субъективной экспрессивной / эмотивной оценки, часто не имеют закрепленной аксиологической маркированности (амбивалентны), что свидетельствует о полисемантичности словообразовательных средств русского языка и детерминации окончательных значений контекстом. То, какую аксиологическую маркированность получит русское существительное с диминутивным аффиксом, зависит не только от самого аффикса, но и от контекста, но «в целом эмоциональная температура… гораздо выше, чем у английского текста, и выше, чем в других славянских языках» [1, с. 55].

Существенным здесь выступает и то, что данный способ когнитивного формирования и языковой репрезентации семантики экспрессивности и оценочности отличается от свойственного английскому языку префиксального словообразования с закрепленной семантикой префикса. Несмотря на то, что в обоих языках ведущая роль в создании экспрессивной и оценочной семантики в теконимах с аффиксами принадлежит системе семантических отношений между производными наименованиями и их производящими компонентами, характер суффиксального словообразования на материале русского языка значительно отличается от префиксального в английском. Суффиксальное словообразование в русском затрагивает глубинную семантику слова, его коннотативный и прагматический аспекты, что не свойственно английским теконимам вообще.

В русской пословице экспрессивность семантики терминов родства данной подгруппы нередко поддерживается дополнительными средствами (повтором, контрастом, сравнениями, синонимами с семантикой градации): *С вечера* ***девка****, со полуночи* ***молодка****, а по заре* ***хозяюшка*** [2, с. 96], ***Баба*** *да кошка в избе,* ***мужик*** *да собака на дворе* [2, с. 110]. В целом к отличительным чертам терминов родства данной подгруппы можно отнести частую конвенциальную закрепленность ассоциативного фона, обязательную экспрессивность и оценочность, синкретизм семантики, позволяющий рассматривать их на периферии терминов родства, возможную амбивалентность аксиологической направленности, а также синтез оценочного, экспрессивного и эмотивного компонентов значения.

Итак, можно заключить, что термины родства в пословичных фондах обоих языков, отражая наивные когнитивные представления нации, являются лингвокультурно-маркированными конвенциально закрепленными показателями внутреннего устройства мира, его организации и деятельности, которые могут варьироваться со временем или детерминироваться внешними факторами. Особой частотностью в обоих пословичных фондах характеризуются теконимы прямого и близкого родства, что объясняется давностью их существования, а также частотностью жизненных и бытовых ситуаций, где требуется наименование данных субъектов.

Также к универсальным характеристикам можно отнести актуализацию семантики экспрессивности и оценочности дополнительными средствами и наличие в обоих пословичных фондах существительных, семантика которых одновременно относит их и к теконимам, и к наименованиям лиц, не имеющих родственных связей.

Этноспецифика вербализации теконимов касается системно-языковых возможностей репрезентации семантики экспрессивности и оценочности, а также различий в когнитивных и стереотипных представлениях. Широко представленное на материале русского языка экспрессивное словообразование способствует синтезу экспрессивных, эмотивных и оценочных значений в русской пословице.

Литература

1. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М., 1997.

2. *Даль, В.И.* Пословицы русского народа: в 3 т. / В.И. Даль. Т. 2. – М., 1993.

3. *Косериу, Э.* Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 143 – 343.

4. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М., 2004.

5. *Модестов, В.С.* Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия / В.С. Модестов. – М., 2007.

6. *Телия, В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М., 1986.

7. *Fergusson, R.* The Penguin Dictionary of proverbs / R. Fergusson, J. Law. – Kent, Penguin Books, Market house books. 2000.